

Смирнова Елена Михайловна

"АПТЕКАРСКОГО ПРИКАЗУ ЛЮДИ" НА ГОСУДАРОВОЙ СЛУЖБЕ

Статья посвящена начальному периоду истории российской медицинской интеллигенции. В XVI-XVII вв. для обеспечения медицинской помощью царской семьи, затем и армии приглашали врачей из-за границы: в России квалифицированных медиков не было. Подготовка национальных кадров началась во второй половине XVII в. На материалах Аптекарского приказа - органа медицинского управления - автор рассматривает правовое, общественное и экономическое положение медицинских чинов, главным образом иностранных специалистов, занимавших высшие ступени в медицинской иерархии.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2017/9/46.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2017. № 9(83) С. 175-179. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2017/9/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

7. Сметанина Т. А. Потенциал религиозной традиции в зеркале церковной идеологии и массового сознания // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2014. № 8 (46): в 2-х ч. Ч. 2. С. 166-168.
8. Соловьев В. С. Общий смысл искусства [Электронный ресурс]. URL: http://www.vehi.net/soloviev/smysl_isk.html (дата обращения: 30.05.2016).
9. Тарасов А. Теория деконструкции как философско-теоретическая основа эстетики постмодернизма // Философия и общество. 2009. № 1 (53). С. 174-187.
10. Шевченко Н. И., Тикунова С. В. Владимир Сергеевич Соловьев: о красоте, эстетике, искусстве // Экономика. Общество. Человек: сборник научных статей Международной научно-практической конференции. Белгород, 2014. С. 155-165.

V. S. SOLOVYOV'S AESTHETIC CONCEPTION AND MODERN ARTISTIC PRACTICE

Smetanina Tat'yana Aleksandrovna, Ph. D. in Philosophy, Associate Professor

Vanyukhina Aleksandra Mikhailovna

Minin University in Nizhny Novgorod

TanSmetan@yandex.ru; sashavanuhina@gmail.com

In the article the views of V. S. Solovyov and aesthetic attitudes in theory and practice of modern art are compared. The points of their convergence and divergence are disclosed. The ideas of symbolism, objectivity, harmonizing and transforming function of art, the role of the artist-creator are analyzed as key provisions of V. S. Solovyov's aesthetic conception. The role of the philosophical and aesthetic conception of V. S. Solovyov as an attempt to overcome the crisis of the European model of culture is noted. Processing creatively Christian aesthetics heritage, V. S. Solovyov reveals possibility and necessity of its adaptation to new socio-cultural realia.

Key words and phrases: Russian philosophy; philosophy of universal unity; crisis of culture; aesthetics; symbolism; beauty; postmodernism; modern art.

УДК 61(091):35.081.64

Исторические науки и археология

Статья посвящена начальному периоду истории российской медицинской интеллигенции. В XVI-XVII вв. для обеспечения медицинской помощью царской семьи, затем и армии приглашали врачей из-за границы: в России квалифицированных медиков не было. Подготовка национальных кадров началась во второй половине XVII в. На материалах Аптекарского приказа – органа медицинского управления – автор рассматривает правовое, общественное и экономическое положение медицинских чинов, главным образом иностранных специалистов, занимавших высшие ступени в медицинской иерархии.

Ключевые слова и фразы: Аптекарский приказ; иностранные врачи; русские лекари; общественный и правовой статус; материальное обеспечение.

Смирнова Елена Михайловна, к.и.н., доцент

Ярославский государственный медицинский университет

smirnova.klio@mail.ru

«АПТЕКАРСКОГО ПРИКАЗУ ЛЮДИ» НА ГОСУДАРЕВОЙ СЛУЖБЕ

Первые сведения о врачевателях на Руси относятся к XI в. Медицинскую помощь оказывали монастырские врачи-монахи, мирские «лечцы», практиковали и иноземные лекари. Начиная со второй половины XV в. иноземные врачи регулярно приезжали к московскому великокняжескому двору: Антон (Немчин) и Леон (Жидовин) – при Иване III (1455-1505), Марк (из Константинополя), Николай Булев и Феофил (оба из Пруссии) – при Василии III (1505-1533). В царствование Ивана IV (1533-1584) число врачей-иноземцев возросло. В разные годы при дворе практиковали доктора Е. Бомелий, А. Дий, А. Линдсей, Р. Стендиш, Р. Рейнольдс, Р. Ригерт, Р. Якоби. В этот период в Москву чаще приглашали англичан – Иван Грозный стремился к развитию отношений с Великобританией.

В конце XVI в. был учрежден орган медицинского управления – Аптекарский приказ, первоначально предназначенный для обслуживания царской семьи. С этого времени на «государевой» службе постоянно находились доктора, лекари, аптекари и другие чины медицинского профиля. В XVII в. в сферу деятельности Приказа уже входила забота о здоровье правящей элиты и «ратных людей». Первые Романовы активно привлекали иностранных медиков: в царствование Михаила Романова было приглашено 4 доктора, 9 лекарей и 4 аптекаря; при Алексее Михайловиче – 11 докторов, 3 лекаря, 1 глазной врач и 6 аптекарей; при Федоре Алексеевиче – 4 доктора, 9 лекарей и 4 аптекаря [4, с. 48]. Предпочтение отдавалось протестантам: англичанам, голландцам, немцам. К католикам после Смутного времени в России относились враждебно, хотя австрийцы (цесарцы) и выходцы из Речи Посполитой встречались среди чинов Аптекарского приказа. Штат докторов и лекарей был непостоянным: в 1656 г. 3 доктора, 4 лекаря в Москве и 2 – в полках [7, д. 688, с. 657, д. 699, с. 663]. Во второй

половине XVII в. на «государевой службе» появились русские. В 1682 г. в списках приказа значилось 6 докторов, 5 лекарей-иностранцев и 14 русских [10, д. 1677, с. 1290].

Вербовкой специалистов в XVII в. занимались особые комиссары. Так, в апреле 1679 г. в «пруссские и иные земли» был послан В. Горстен «для призванья» 10-12 человек лекарей. В инструкции указывалось: оклад им обещать «смотря по человеку». А «будут в службе радетельныи» и «учнут учеников русских учить со всяким прилежанием чему сами горазды и им государева жалованья будут придачи сверх уговора» [9, д. 1457, с. 1076]. Горстен «приговорил» 10 лекарей, а в ноябре вновь отправился за границу на поиски «лекарей полковых и сотенных» [10, д. 1599, с. 1212-1214]. Контракт обычно заключался сроком на три года, при благоприятных обстоятельствах продлевался. С. Коллинз, например, провел на русской службе 9 лет, А. Граман – 20 лет, его племянник М. Граман – 10 лет. Врачи приезжали с семьями и прислугой, случалось, заводили семьи в Москве.

По прибытии в Москву врач подвергался в Аптекарском приказе испытанию в мастерстве и тщательному расспросу: какой веры, где родился, где и у кого докторскому делу учился, где служил и есть ли о том «свидетельствованные грамоты» [12, с. 160]. Окончательное решение о приеме на службу принималось царем, после чего врач приводился к присяге. Текст присяги включал клятвенное обещание служить «верно на Москве в городах, в полках и где Великий Государь укажет мне быть; и к тому же которые ученики мне даны будут учить с великим радением...» [11, д. 1605, с. 1219]. Присягу приносили и русские лекари.

Врачебное дело находилось в руках докторов и лекарей. Доктора – иностранцы, выпускники университетов с дипломом доктора медицины, – занимали высшую ступень в медицинской иерархии. Их приглашали для придворной службы. Лекари – иностранные специалисты (с университетским образованием, но без докторского диплома) и русские (обучившиеся у иностранцев методом ремесленного ученичества) – чаще всего занимались хирургией. Они состояли в заведовании Пушкарского приказа и по его распоряжению распределялись по полкам. Лекари-иностранцы приглашались на время войны.

В армии врачи впервые появились в 1633 г. [5, с. 191], и спрос на них постоянно возрастал. В 1674 г. воевода кн. Г. Ромодановский доносил в Аптекарский приказ: «...а без лекаря государь в полку у нас никоторыми мерами быть не мочно» [12, д. 208, с. 190]. В полку на одного иностранного лекаря – он заведовал медикаментами – приходилось два-три русских. С лекарями в качестве помощников служили лекарские ученики, между ними не было четкого разграничения обязанностей – и те и другие занимались лечением ран.

В 1654 г. при Аптекарском приказе была учреждена лекарская школа, сыгравшая важную роль в подготовке национальных медицинских кадров. В школу набирали из стрельцов, служилых и посадских людей или из семей лекарей. Пройдя курс обучения и практику в полку, лекарский ученик «бил челом» о присвоении звания лекаря. Челобитная включала информацию о его знаниях и навыках: «Раны стрельные, колотые и рубленные лечу и пульки вырезаваю и руду жильную и банками пуцать умею (т.е. владеет различными методами кровопускания. – Е. С.)... болезни нутряные лечить могу же и несколько очного и костоправного (или указывалась другая специализация. – Е. С.) дела навывчен» [Цит. по: 5, с. 108]. Претендента экзаменовали, и в случае успеха царь указывал «быть в лекарях» [Там же]. В 1660 г. 30 лекарей первого выпуска отправившись в полки. По сравнению с иностранцами русские лекари были хуже подготовлены теоретически, но «в практическом же смысле по хирургии и разным специальностям наши если не превосходили, то и не уступали пришлым» [Там же, с. 209].

Общеправовой статус иностранцев определяло Соборное Уложение 1649 г.: они подчинялись законам Московского государства. Уложение запрещало иностранцам покупать дворы в Москве и владеть крепостными: «от иноверцев чинится теснота и осквернение» [17, с. 114, 128]. Иностранцы не платили пошлин, для них существовал особый суд в Аптекарском приказе [1, с. 135]. Этот запрет не всегда соблюдался, особенно во второй половине XVII в.

Правительство брало на себя обязанность отпускать служащих на родину по истечении срока контракта. Но иностранцев задерживали в России столько, сколько считали нужным. По свидетельству А. Поссевино, побывавшего в Москве при Иване IV, врачей держали чуть ли не в заточении, за попытку получить отпуск на родину угрожали казнью [2, с. 34]. Борис Годунов отказался отпустить доктора Павла Миланского: «Дохтура Павла Великий государь Борис Федорович добре жалует: на Москве женился, и ехати ему в свою землю для старости не можно» [Цит. по: 6, с. 59]. Случалось, что медиков увольняли до истечения срока контракта. В январе 1682 г. часть чинов Аптекарского приказа, в том числе иноземцев, была «отставлена» – «за многолюдством» [11, д. 1657, с. 1274].

В России иностранцы попадали в чуждую для них атмосферу, включались в непривычную систему иерархических отношений и придворного этикета. Немецкий ученый и дипломат Адам Олеарий, несколько раз посещавший Россию в 1630-1640-е гг., отмечал, что врачи были обязаны «ежедневно... являться ко двору и бить челом вельможам, в особенности же своему начальнику» [15, с. 258]. Унижающее достоинство положение служащих при дворе убедительно демонстрирует форма обращения к царю, которую соблюдали иностранные врачи, в том числе доктора медицины, имевшие у себя на родине высокий социальный статус: «...бьют челом холопи твои аптекарского приказу дохтуры Лаврентейко Блюментрост, да Симанко Зомер...» [11, д. 1607, с. 1221]. Именованье себя «холопом» было не только формулой речи. Личного достоинства как такового и прав личности русское законодательство XVII в. не признавало. Ценность личности определялась степенью близости к власти (в прямом смысле слова), которая в любой момент могла измениться.

В русском обществе чужих – иноверцев – опасались и недолго любили. За ними следили. Если врач пользовался расположением царя, ему завидовали, нередко против него интриговали. При народных волнениях вражда к иноземным врачам и к иностранцам вообще проявлялась в преследованиях и убийствах.

Принадлежность иностранцев к иноверческим церквям существенно влияла на условия их жизни. Веротерпимость была ограниченная, зависела от милости царя. К инославным вероисповеданиям правительство подходило с разными мерками. Протестанты имели больше свободы в удовлетворении религиозных потребностей, чем католики. Европейцев стремились по возможности изолировать от русских: церковь опасалась пагубного влияния «еретиков» на православных россиян. Евреям (иудеям) пребывание в Московском государстве запрещалось. Врач-еврей в XVII в. мог на законных основаниях жить в России, только перейдя в протестантское или православное вероисповедание [3, с. 364]. Первые иноверческие церкви появились в России во второй половине XVI в., но строить их в Москве не разрешалось: «...быти им за городом за Земляным, от церквей Божиих в дальних местах» [17, с. 114]. По указу царя Алексея Михайловича в 1652 г. началась застройка Немецкой слободы, куда переселяли иностранцев.

Олеарий указывал на опасности положения врача, особенно лейб-медика. В качестве примера он приводил следующий эпизод: медики не смогли спасти жизнь жениха дочери Бориса Годунова, и «врачам пришлось прятаться и не показываться в течение долгого времени» [15, с. 202]. Трагична судьба И. Гутменша и Д. фон Гадена: они были убиты стрельцами по подозрению в отравлении царя Федора Алексеевича, скончавшегося в 1682 г. [6, с. 32].

Отношение к врачам-иноземцам даже у царей было двойственным. Их подозревали в колдовстве. Врачебное искусство ставили не выше знахарского. Иван Грозный держал при себе докторов и аптекаря, но «лекарств от них не принимаша никаких» [Цит. по: 5, с. 160]. Доктора призывали, когда болезнь заходила далеко. Обычные же обязанности придворного врача заключались в составлении рецептов мыла и курений для царской мыльни, сопровождении царской семьи на богомолье и т.п. Была и ограниченная хирургическая практика – кровопусканья.

И все же докторов ценили – им доверялась жизнь царя и царской семьи. В глазах русского монарха важное значение имело то, что многие доктора отличались разносторонним образованием, были знакомы с положением дел в Западной Европе и потому становились собеседниками и доверенными лицами царей – Ивана IV, Михаила Федоровича, Алексея Михайловича. Они выполняли дипломатические, торговые и иные поручения, таким образом, принимали участие в политической и культурной жизни Московии. Яркий след в российской истории оставили Р. Якоби, М. Ридли, А. Граман, С. Коллинз, Л. Блюментрост.

Несмотря на известные риски, приток врачей-иностранцев возрастал. Русское правительство стремилось привлечь иностранных врачей на службу щедрым вознаграждением, на которое они не могли рассчитывать у себя на родине.

Жалованье медицинских чинов складывалось из годового оклада и месячного корма и определялось «приговором» (контрактом). В 1660-е – 1670-е гг. доктора получали жалованье 730-1114 руб. в год, лекари – 80-149 руб. – в зависимости от срока службы и милости царя [12, д. 34, с. 23, д. 92, с. 80, д. 165, с. 149]. За выслугу лет, участие в военных действиях и иные заслуги добавлялись «придачи». Врачи обеспечивались продуктами и напитками, кормом для лошадей, дровами. Их щедро награждали по случаю представления к царскому двору, «выезда» (в отпуск) и «отъезда», рождения сына в царской семье, жаловали деньги на «домовое строение» и др. За успешное лечение (обычно за кровопускание) врач получал подарки – дорогие ткани, ювелирные изделия, ценные меха. Иногда докторам дарили дома или жаловали «прожиточное поместье» – во временное владение, в качестве вознаграждения за службу [12, д. 157, с. 137-138; 16, с. 424].

Русские лекари материально были обеспечены значительно хуже, жалованье было неопределенным, зависело от усмотрения главы Аптекарского приказа и в 1660-е гг. составляло 29-68 руб. в год [12, д. 87, с. 74, д. 168, с. 153-154].

Жалованье выплачивалось с большими задержками, если денег в казне не хватало (государство постоянно испытывало финансовые трудности), выдавалось «денгами пополам с соболями», т.е. соболями [11, д. 1612, с. 1225]. В делах приказа постоянно встречаются челобитные о выдаче невыплаченных денег как русским чинам, так и иностранцам [7, д. 696, с. 661; 8, д. 1300, с. 868].

Власти поощряли переход иноверцев в православие: это сулило большие выгоды. В 1657 г. крестился по православному обряду доктор А. Личифинус, за что ему было пожаловано царем 230 руб. [7, д. 744, с. 672, д. 745, с. 673]. Головокружительную карьеру сделал Д. фон Гаден (Фунгаданов): из иудаизма перешел в католицизм, затем стал лютеранином, попав в Россию, принял православие [6, с. 31]. В 1659 г. Фунгаданов был принят на должность цирюльника, вскоре стал лекарем. В 1667 г. он хлопотал о повышении: просил необычный «чин первый под доктором» с прибавкой жалованья. Это «челобитье» было удовлетворено [7, д. 130, с. 112]. В 1672 г. царь назначил Фунгаданова доктором, в 1676 г. доктором назначили С. Зоммера. Очевидно, в данном случае «имеем дело с оказанием почести, которую нельзя сравнить с присуждением ученой степени, – за заслуги и в связи с особо доверительными отношениями с царями» [3, с. 357]. За рубежом эти докторские звания не признавались.

Переход в православие – начальный шаг в укоренении иностранцев в России, он открывал перспективу карьерного роста и вхождения в дворянское сословие. Побудительным мотивом перехода в православие могло стать и намерение иностранца вступить в брак с русской – межконфессиональные браки впервые были разрешены только в 1721 г. Некоторые из проживавших в Москве иностранцев заявляли о желании закрепиться

в Москве, об этом свидетельствует, в частности, челобитная немецкого купца Т. Келлермана. Ходатайствуя перед царем о зачислении сына, доктора медицины, на службу в Аптекарский приказ, он выдвигал следующий аргумент: «А сынишка мой, твой великого государя холоп природной и прочнее иных выезжих дохтуров...» [Цит. по: 1, с. 147]. Известны иностранцы, основатели медицинских династий, как, например, Л. Блюментрост.

Большинство медиков все же приезжали в Россию на ограниченный срок. Как правило, они не были заинтересованы в преодолении языкового и – шире – культурного барьера, их социальные контакты не выходили за пределы Немецкой слободы. Но, бывало, служили десятилетиями, осваивали русский язык (их использовали и в качестве переводчиков) и даже глубоко его изучали, как, например, М. Ридли, составитель русско-английского словаря [3, с. 363].

Помимо «государевой службы», врачи – иноземцы и русские – занимались частной практикой, которая имела на Руси многовековые традиции и в XVII в. была довольно широко распространена. На частную практику иностранных медиков косвенно указывает сообщение Олеария о том, что они получали плату и от знати, чаще натурой – соболями, водкой, салом и другой провизией [15, с. 258]. Русским лекарям частная практика позволяла существенно пополнить скудный бюджет. Правда, дипломированные лекари встречали серьезную конкуренцию со стороны неграмотных знахарей: народ не делал различия между ними.

К концу XVII в. относятся первые попытки законодательного регулирования медицинской деятельности. Актом от 4 марта 1686 г. вводилась уголовная ответственность врача: «...буде из них кто нарочно, или не нарочно кого уморят, а про то същется, и им быть казненным смертью» [13, с. 748]. Этот указ был подтвержден в 1700 г. [14]. По-видимому, наказание, предусмотренное этими указами, все же не применялось. Лекарь А. Каменский, случайно давший боярину П. П. Салтыкову смертельную дозу опия (что и послужило поводом к изданию указа 1700 г.), был сослан с женой в Азов на каторгу [Там же, с. 11].

Таким образом, в XVII в. был запущен процесс формирования иерархически структурированной профессиональной группы медиков, причем высшие ступени занимали иностранцы с университетским дипломом. В допетровскую эпоху в Московском государстве на «государевой службе» побывали 237 иностранных медиков [3, с. 356]. Они заложили основание придворной медицинской части, получившей в XIX в. самостоятельную организацию.

Русские, обучившиеся у иностранцев, в статусе лекарей и лекарских учеников составили костяк военных медиков – рождение военной медицины также приходится на XVII столетие. Численность русских врачей увеличивалась со второй половины столетия, с учреждением лекарской школы при Аптекарском приказе, и более быстрыми темпами – в XVIII в., когда вопрос подготовки национальных медицинских кадров стал предметом заботы государственной власти.

В XVII в. правовое положение медицинских служащих не имело прочного юридического основания. Судьба иностранных докторов медицины и русских лекарей целиком зависела от милости или немилости монарха. При общей для всех медиков шаткости положения, иностранцы находились в гораздо более выгодных условиях: их высокий профессиональный статус и авторитет обеспечивал им материальное благополучие, тогда как скудное содержание русских медиков не позволяло удовлетворить даже насущные жизненные потребности.

Список источников

1. **Арсеньев Ш.** Очерки из быта докторов-иноземцев в древней Москве (по бумагам Аптекарского приказа) // Русская старина. 1895. Т. 83. № 5. С. 133-149.
2. **Герман Ф. Л.** Врачебный быт допетровской Руси (материалы для истории медицины в России). Харьков, 1891. Вып. 1. 119 с.
3. **Думшат С.** Карьера придворного врача Даниила Фунгаданова в свете современных культурно-исторических исследований об иностранных медиках в Московском государстве 15-17 веков // Иноземцы в России в XV-XVII веках: сб. материалов конференций 2002-2004 гг. / ред. А. К. Левыкин. М.: Древлехранилище, 2005. С. 356-367.
4. **Загоскин Н. П.** Врачи и врачебное дело в старинной России. Казань: Тип. Императорского университета, 1891. 72 с.
5. **Змеев Л. Ф.** Чтения по врачебной истории России. СПб., 1896. 252 с.
6. **Корти М.** Другие итальянцы: врачи на службе России. СПб.: Журнал «Звезда», 2010. 205 с.
7. **Материалы по истории медицины. Дела Аптекарского приказа с 1645 по 1674 годы** // Вестник общественной гигиены, судебной и практической медицины. 1884. Т. 3. Приложения.
8. **Материалы по истории медицины. Дела Аптекарского приказа с 1676 по 1682 годы** // Вестник общественной гигиены, судебной и практической медицины. 1885. Т. 1. Приложения.
9. **Материалы по истории медицины. Дела Аптекарского приказа с 1676 по 1682 годы** // Вестник общественной гигиены, судебной и практической медицины. 1885. Т. 4. Приложения.
10. **Материалы по истории медицины. Дела Аптекарского приказа с 1676 по 1682 годы** // Вестник общественной гигиены, судебной и практической медицины. 1886. Т. 1. Приложения.
11. **Материалы по истории медицины. Дела Аптекарского приказа с 1676 по 1682 годы** // Вестник общественной гигиены, судебной и практической медицины. 1886. Т. 2. Приложения.
12. **Новомбергский Н.** Материалы по истории медицины в России. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1905. 191 с.
13. **О наказании лекарей за умерщвление больных по умыслу и по неосторожности:** Именной от 4 марта 1686 г. // Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. Собр. 1. Т. II. № 1171. С. 747-748.
14. **О наказании незнающих медицинских наук, и по невежеству в употреблении медикаментов, причиняющих смерть больным:** Боярский приговор от 1 февраля 1700 г. // ПСЗРИ. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. Собр. 1. Т. IV. № 1756. С. 10-11.

15. Олеарий А. Описание путешествия в Московию. М.: Российские семена, 1996. 368 с.
16. Рихтер В. М. История медицины в России: в 3-х ч. М., 1814. Ч. 1. 440 с.
17. Уложение 1649 г. // ПСЗРИ. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. Собр. 1. Т. I. С. 1-161.

CLERKS OF PHARMACEUTICAL PRIKAZ IN CIVIL SERVICE

Smirnova Elena Mikhailovna, Ph. D. in History, Associate Professor
Yaroslavl State Medical University
smirnova.klio@mail.ru

The article is devoted to the initial period of the Russian medical intelligentsia formation. In the XVI-XVII centuries foreign physicians were invited to provide medical care for the royal family and the army: there were no qualified physicians in Russia. National personnel training began in the second half of the XVII century. By the materials of the Pharmaceutical Prikaz – the medical administrative body – the author examines the legal, social and economic status of medical officials, basically foreign specialists, who had high ranks in medical hierarchy.

Key words and phrases: Pharmaceutical Prikaz; foreign physicians; Russian physicians; social and legal status; material security.

УДК 7

Искусствоведение

В статье дается характеристика творческой деятельности архитектора Николая Ивановича Исцеленнова, яркой фигуры русского зарубежья, посвятившего себя изучению древнерусского церковного искусства и оформлению первых эмигрантских приходов во Франции и Бельгии. Подробно описываются проекты иконостасов и архитектура храмов, созданные Николаем Ивановичем в сотрудничестве с иконописцами Общества «Икона». Впервые дается описание киота Федоровской иконы Божией Матери за авторством Николая Ивановича, выполненного для семинарии св. Василия и исследовательского центра «Истина» г. Лилля.

Ключевые слова и фразы: русское зарубежье; Общество «Икона»; церковное искусство; иконостасы; храмовая архитектура; русский стиль.

Стрижевская Яна Анатольевна

Московский государственный академический художественный институт имени В. И. Сурикова
yana.strizhevskaya@gmail.com

НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ ИСЦЕЛЕННОВ – ОХРАНИТЕЛЬ ТРАДИЦИЙ РУССКОГО ИСКУССТВА В ЭМИГРАЦИИ

С именем Николая Ивановича Исцеленнова, родившегося 31 мая 1891 года в семье иркутского купца 2-й гильдии Ивана Федоровича Исцеленнова, связана не только целая страница истории оформления внутреннего убранства первых эмигрантских церквей во Франции, но и многие другие, не менее значимые, факты.

Вопросы по архитектурно-стилистическим описаниям иконостасов и православных храмов, созданных Н. И. Исцеленновым, на текущий момент освещены лишь фрагментарно. Помимо этого, в жизнеописании Николая Ивановича много биографических пробелов и неточных исторических сведений. Также нет сведений о той стороне творчества Н. И. Исцеленнова, которая не связана с возведением храмов и проектированием иконостасов. Все эти факты в данной статье освещены максимально полно.

Выпускник Императорской Академии художеств Исцеленнов навсегда остался верен русским традициям псковской, новгородской и костромской храмовой культуры. Любовь к традициям Русского Севера проследивалась в Николае Ивановиче всю его плодотворную деятельность, начиная с учебных проектов по реставрации Ипатьевского монастыря в Костроме и заканчивая проектированием храмов и иконостасов в Европе.

В годы Гражданской войны вынужден был покинуть Родину и переехать в Европу. Вначале в Финляндию, где встретил свою будущую жену, художницу Марию Александровну Лагорио [6, с. 224], затем в Германию, Чехию, и наконец с 1925 года вместе с женой Николай Иванович окончательно обустраивается в Париже.

Будучи в эпицентре культурной жизни эмигрантов, Исцеленнов продолжил изучение древнерусского церковного искусства. Свой талант архитектора, проектирующего храмы, Николай Иванович смог раскрыть в полной мере, вступив в 1928 году в основанное В. П. Рябушинским Общество «Икона». Эта организация, занимавшаяся изучением и распространением знаний о памятниках национального древнерусского творчества, стремилась объединить профессионалов церковной направленности для строительства и благоустройства русских православных церквей за рубежом.

Ранее приобретённый опыт и знания в области древнерусского зодчества стали для Исцеленнова основой для активной деятельности в жизни Общества «Икона».